

«ПО ПРИЧИНАМ ВАЖНЫМ...»

**(О выпущенных главах «Евгения Онегина»
и «Капитанской дочки»)**

Выпущенные, «пропущенные» главы названных пушкинских произведений всегда вызвали повышенный интерес, рождали массу домыслов среди пушкинистов, литераторов, читателей. Широко известны попытки литературоведческой, в других случаях поэтической реконструкции «Евгения Онегина», многочисленные ссылки на цензурные условия, якобы заставившие Пушкина выпустить (уже частично напечатанное!) «Путешествие» Онегина из связного текста романа и не включать в «Капитанскую дочку» главу о крестьянском бунте.

При этом в решении судьбы пушкинских произведений далеко не всегда участвовал сам автор, Александр Пушкин, который все-таки оставил нам прямые и косвенные пояснения, своим творческим «прихотям».

«Путешествие» Онегина естественно входило в первоначальный план романа. Пример поэмы Байрона, паломничества Чайльд-Гарольда наталкивал на параллельную фабулу. Лирические мотивы в «итальянских» строфах «Паломничества» («Венецию любил я с детских дней...», «Тебя любил я, море! В час покоя...») родственны опубликованным «одесским» строфам «Путешествия», их сближает лирическое наческую сферу, в свободную даль романа, в его поэтический чало, поклонение европейской свободе:

Там все Европой дышит, веет,
Все блещет Югом и пестреет
Разнообразием живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,

Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдован тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.
(VI, 201).

«Одесские» строфы «Путешествия» вписываются в лири-
диалог: «А где, бишь, мой рассказ несвязный?...» (VI, 202).

В «несвязном» рассказе есть своя память, сюжетная пре-
емственность. Например, многие исследователи (Ю. Н. Чума-
ков, А. М. Гуревич, Г. Г. Красухин) отмечали сюжетную пе-
рекличку «Дня» героя в первой главе романа и «дня автора»
в одесских строфах.¹

«Одесские» строфы в какой-то степени подсказывали но-
вый поворот в творческой истории «Евгения Онегина». На-
помним, что уже после написанной четвертой главы романа
появились стихи:

Но где бишь мой рассказ несвязный
В Одессе пыльной, я сказал?
Я б мог сказать в Одессе грязной
И право б также не солгал
По манию Завеса
В году недели три Одесса
Запачкана, запружена
В грязи густой покружена...

Так появились в романе в стихах «прозаические бредни»,
описания противоположные опрятному Северу («Опрятней
модного паркета...»). Так возникла нужда в «иных» картинах,
в тоне «одесских» строф:

Но, может быть, такого рода
Картины вас не привлекают:
Все это низкая природа;
Изящного не много тут.
Согретый вдохновенья богом,
Другой поэт роскошным слогом
Живописал нам первый снег
И все оттенки зимних нег...

(Глава пятая, строфа III)

Сравним уже набросанное в «одесских» строфах:

Одессу, звучными стихами
Наш друг Туманский описал

1. Вяч. Иванов напоминал, что «день Евгения» (в первой главе) рас-
сказан под впечатлением «Дня» Парини» (в статье «Роман в стихах»,
1937).

Но он пристрастными глазами
Поверьте на нее взирал
Приехав он тогда поэтом
Один пошел бродить с лорнетом
Пленился морем и потом
Очаровательным пером
Сады одесские прославил...
(VI, 465-466)

Новые поэтические пристрастия, полемический прием сближают разнообразные по месту действия описания. Публикация в 1827 г. «одесских» строф предсказывает новые веяния в повествовании, а последующее появление в печати четвертой и пятой глав подтверждало большой замысел поэта. Пятая глава с картинами «низкой природы» уже определила «одесские» строфы. Однако ранее опубликованные строфы еще должны были сыграть свою роль в романе, в части третьей, по общему плану романа, в главе, названной «Странствие».

Этот план, зафиксированный поэтом 25 сентября 1830 г., определил общие сюжетно-композиционные принципы романа. Первая часть — во многом экспозиционная: «Хандра», «Поэт», «Барышня». Вторая — кульминационная: «Деревня», «Именины», «Поединок». Третья — рисует новое соотношение героев романа, Евгения и Татьяны. Их права в произведении как бы уравниваются, что подчеркивается тематикой глав: «Москва» («Зимний путь» Татьяны, «Семь суток ехали оне») и «Странствие» Онегина. Лиризм «одесских» строф перекликается с «московскими»:

Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церковей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
(Строфа XXXVI)

В последней главе третьей части («Большой свет») — новое столкновение героев, другой совершенно тип «поединка». Роман рассчитан не только «по календарю», но и по важнейшим отрезкам жизненных дорог главных героев. И все же «Странствие» Онегина выпускается из романа. От автора, как признается Пушкин, в предисловии к последней главе «Онегина», «зависело означать сию выпущенную главу точками или цифрами; но во избежание соблазна решился он лучше выставить вместо девятого нумера, осьмой...»² Решение

2. Пушкин А. С. Последняя глава «Евгения Онегина», СПб., 1832, С.

было принято не сразу. Вспомним, что в предисловии к VIII и IX главам романа (датированном 28 ноября 1830 г.) поэт признавался: «Осьмую главу я хотел было вовсе уничтожить и заменить одной римской цифрою, но побоялся критики. К тому же многие отрывки из одной были уже напечатаны» (VI, 541). Расставание с главой было трудным, рискованным. Поэт испытывал давление критики, мнения друзей. Перебороло свое видение романа: «Автор (...) решился выпустить эту главу по причинам, важным для него, а не для публики» (VI, 197). Попытаемся уловить некоторые из них.

Одна по существу уже названа выше. Пятая и последующие главы уже обогнали поэтический мир «Путешествия». «Иные» картины были найдены в обычной русской полосе, попутно были высказаны «прозанческие бредни». Поэтом также, вероятно, осознавалась повторяемость рода мотивов: младость-старость, театральные пристрастия и др. Одесса как новый романтический центр наряду с Петербургом, деревней, Москвой был уже излишен.

Кстати, Достоевский, цитируя из «Путешествия» строку «летит обжорливая младость», заметил, что это «единственный дрянной стих у Пушкина, потому что высказан совсем без иронии, а почти с похвалой...»³

Строфы же рассказывающие собственно о путешествии, о странствиях Онегина, носят во многом ретроспективный характер. В них — симпатии невозвратному прошлому, симпатии, затененные нелюбимыми приметами нового времени. В Новгороде великом «мятежный колокол утих...», в отчизне Минина, в Нижнем Новгороде — «всюду меркантильный дух», бурлацкие песни на Волге, воспевающие «разбойничий приют», вдруг сменяют жужжания «комаров начальных тучи», рядом с величественным Бештау «больных теснится бедный рой». Европейский порядок «С ее политикой сухой, // С ее развратной суетой» захватывает и «святуя Русь».

«Тоска, тоска» — естественный рефрен в строфах, поетствующих о странствиях Онегина. Он перекликается с лиро-эпическим мотивом разочарования, обозначившимся уже в первой главе романа:

Опять кипит воображенье,
Опять ее прикосновенье

3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 22. Наука, Л., 1981. С. 10.

Зажгло в увядшем сердце кровь,
Опять тоска, опять любовь!...
(Строфа XXXIV)

Он застрелиться, слава богу,
Попробовать не захотел,
Но к жизни вовсе охладел.
(Строфа XXXVIII)

Ср. в «Отрывках из путешествия Онегина»:

...Онегин взором сожаленья
Глядит на дымные струи
И мыслит, грустью отуманен:
Зачем я пулей в грудь не ранен?
Зачем не хилый я старик...»
(VI, 199)

В «Путешествии» — прежняя отрешенность героя, возвращение на круги своя. Онегинское отчуждение пересекается с авторским, пушкинским. Еще до «крымских» строф авторское отступление возникает в описании Кавказа: «Во время оное былое!... //В те дни я знал тебя Кавказ...» (VI, 484). «Оное былое» — совсем недавнее время, встречи с Кавказом в 1829 г. («Кавказ», «Обвал», «Монастырь на Казбеке» и др.), появление новых, в какой-то степени «политизированных» мотивов:

Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят...

Так чуждые силы его тяготят...
(III,)

«Кавказские» строфы предваряют «крымские», где в еще большей степени звучит мотив прощания с «былым»:

Какие б чувства ни таились
Тогда во мне — теперь их нет:
Они прошли иль изменились...
Мир вам, тревоги прошлых лет!
В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал...»
(VI, 200)

«Путешествие» вновь сближает автора романа и его героя. Оба в движении, в неожиданных ситуациях, в поисках настоящего. Взгляд героя более созерцателен, сдержан, эпи-

чен. Картины, увиденные Онегиным, носят исторический характер, они сродни «историческим описаниям «Полтавы». Зрение автора, конечно, более объемно, подвижно, многозначительно и в то же время тенденциозно. Самопризнания, декларации поэта («Иные нужны мне картины...») подчеркивают резкий поворот к новым темам, мотивам, оценкам поведения героев романа. Этот поворот не сводится к отрицанию романтических принципов, уже давних, пережитых поэтом в стремительном творческом перемещении. Возникал новый тип восприятия жизни, ее философского осмысления. С. А. Фомичев в принципе верно замечает «новое качество пушкинского реализма рубежа 1830-х гг.» — «особую практическую одухотворенность, стремящуюся противостоять схематизму обыденных представлений, инерции «железного века», рационалистической предопределенности».⁴

Думается, что объективна и литературоведческая версия, отстаивающая мысль о «Путешествии» как начале нового романного замысла (вместе с «Десятой» главой), о «прологе новой истории».⁵ В этом новом замысле уместно было «видение» Онегиным «военных поселений, заведенных гр. Аракчеевым», по известному свидетельству П. Катенина.⁶ В «Онегине» возникла уже другая история, другая «злоба дня», которая не укладывалась в «свободную даль» романа.

Промежуточное место в творческой эволюции Пушкина занимает так называемая «Десятая» глава. Она могла бы стать продолжением романа, его сатирической тенденции. Сохранившиеся строфы «Десятой» главы несут в себе очень существенные приметы отношений к окружающему миру, стиля поведения главного героя романа и его «приятеля» — автора. Язвительность, злословие, — «резкий, охлажденный ум» — главная черта Онегина.

Сперва Онегина язык
Меня смущал; но я привык
К его язвительному спору,
И к шутке с желчью пополам,

4. Фомичев С. А. Поэзия Пушкина. Творческая эволюция. Л., Наука. 1986. С. 192.

5. Одинокое В. Г. «И даль свободного романа...» Новосибирск: Наука, 1983. С. 109. См. также: «Семенко И. Эволюция Онегина (к спорам о пушкинском романе) //Русская литература. 1960. № 2. Эта же точка зрения излагалась на Болдинских чтениях (1981) В. С. Лисговым в докладе об историзме «Евгения Онегина».

6. См.: «Литературный критик», 1940. № 7-8. С. 231.

И злости мрачных эпиграмм.
(Глава первая, строфа XVI)

Эта солидарность автора и героя подтверждается и в лирических строфах:

Когда блистательная дама
Мне свой in—quarto подает,
И дрожь и злость меня берет,
И шевелится эпиграмма
Во глубине моей души...
(Глава IV, строфа XXX)

Однако строфы «Десятой» главы — «шутки с желчью пополам» — в большей степени авторские, лирико-публицистические. Они выражают пушкинские и близкие ему оценки различных современных событий. Справедливо утверждение Ю. М. Лотмана: «Десятая» глава романа представляет собой ценнейший источник. Но ценность его не в том, чтобы на ее основании продумывать за автора конец романа, а в том, что она позволяет судить об отношении Пушкина к наиболее сложным вопросам его эпохи...»⁷ Эти оценки, почти сплошь иронические, по отношению к Александру I, по отношению к друзьям-декабристам, к себе:

И не входила глубоко
В сердца мятежная наука,
Все это было только скука,
Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов...

Таков итог авторских размышлений, полный сомнений, новых исканий, во многом недоступных герою романа. Справедливо мнение В. В. Пугачева, солидарного с давним уже утверждением Ю. Г. Оксмана, о том, что строфы «Десятой главы» ничем не обнаруживают принадлежность к пушкинскому роману. Содержание их не связано с сюжетом остальных глав.⁸ Мимолетное намерение поэта включить образ Онегина в «Десятую главу» (см. VI, 496) так и было осуществлено.

Изъятие из «Капитанской дочки» «Пропущенной главы» с изображением крестьянского бунта в имении Гриневых вос-

7. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л. 1980. С. 391.

8. Пугачев В. В. Десятая глава «Онегина» или поэма?// Проблемы истории, культуры, литературы, социально-экономической мысли. Межвузовский научный сборник. Изд-во Саратовского госуниверситета. 1986. С. 192.

принимается уже не как неожиданный парадокс, не как вынужденная уступка цензуре. В одном (третьем, по определению Ю. Г. Оксмана) из вариантов плана «повести о Шванвиче» (герое, совмещавшем образы Швабрина и Гринева) говорилось: «Молодой человек едет к соседу, бывшему воеводой, — Марья Ал. сосватана за племянника, которого не любит: Молодой? Шванвич встречает разбойника вожатого — вступает к Пугачеву. Он предводительствует шайкой — Является к Марье Ал. — спасает семейство и всех.

Последняя сцена — мужики отца его бунтуют, он идет на помощь — Уезжает...» (VIII, кн. 2, 929).

Ю. Г. Оксман сделал в свое время существенное наблюдение: «Если для двух первых планов повести о Шванвиче характерно отсутствие любовной интриги (...любовная коллизия не играла в ней существенной роли), но в третьем варианте плана этот узел начинает завязываться».⁹

В повести о «капитанской дочке» любовная коллизия — сюжетный нерв почти всех глав произведения. Все основные происшествия связаны с судьбой Маши Мироновой. Романтические мечты, поступки героя одухотворяют его образ, позволяют увидеть его разные состояния, превращение обычного юноши-недоросля в возмужалого Петра Андреевича Гринева. В отеческом наставлении сыну слышится суровая истина, твердая оценка первых самостоятельных шагов и помыслов Петруши: «...Ты доказал, что шпагу носить еще не достоин, которая пожалована на защиту отечества, а не для дуелей с такими же сорванцами, как ты сам» (гл. «Любовь»). Не случайно и гриневское признание в заключение этой же главы: «Жизнь моя сделалась мне несносна. Я впал в глубокую задумчивость...» и т. д.¹⁰

Любовная коллизия становится тоже усложненной. Ее новые основные моменты: родительское благословие Маше в гл. «Приступ» («Коли найдется добрый человек, дай бог вам...»), «...странное сцепление обстоятельств», описанное в гл. «Незванный гость» (Пугачев-вожатый, Пугачев в комнате, где Гринев «накануне так нежно прощался» с Марьей Ивановной), решение героя отправиться в Оренбург, «дабы

9. Оксман Ю. Г. Пушкин в работе над романом «Капитанская дочка». //Пушкин А. С. «Капитанская дочка». М. 1964. («Литературные памятники»). С. 163.

10. Ср. статью:

торопить освобождение Белогорской крепости» (гл. «Разлука»), мольба Маши о заступничестве («Осада города»), новое решение героя о возвращении героя в Белогорскую крепость, чтобы «избавить сироту, которую там обижают» («Мятежная слобода»), кульминационный эпизод, показанный в главе «Сирота» — освобождение Маши, предложение Гринева Маше ехать в деревню к его родителям, отъезд из Белогорской крепости.

Безусловно, любовная интрига осложнялась нравственными, социальными мотивами. Лейтмотив всей «Капитанской дочки» — противоборство добра и зла в конкретных социально-исторических условиях, в кризисном состоянии русского государства. Любовная коллизия диктует поступки, поведение героя, в то же время она полностью зависит от родительского ока, с одной стороны, а с другой — от «пугачевщины» (то с Пугачевым, то без него). Швабрин — часть «пугачевщины», олицетворение ее зла, жестокости, отступничества, лицедейства. «Пропущенная глава» вобрала в себя все основные темпы социально-нравственной коллизии: изображение «пływучей виселицы» (образ виселицы — сквозной для «Капитанской дочки»), «бунтовщиков» в имени родителей героя, их жертв, «жестокого недруга» Швабрина, счастливый конец для семейства Зуриных (Гринева) и Марьи Ивановны, авторские сентенции по поводу «пугачевщины» (о «сильном противудействии» «бунтовщикам» правительства, «не приведи бог видеть русский бунт...»), мотив «мрачных предчувствий» главного героя («Сердце чуло новую бурю»).

Можно заметить, что некоторые из этих мотивов уже заявили о себе в полный голос в предшествующих главах «Капитанской дочки» — «Пугачевщина», «Приступ», «Разлука», «Сирота». Надо ли было повторять сцену с пленением Маши Мироновой? Что могли прибавить эпизоды, показывающие «Дон-Кишотов Белгородских» — Гринева и его отца, прострелившего «дряхлою рукою» Швабрина? Подобные ситуации уже были описаны, например, в главе «Приступ», «Осада города». Вспомним Дон-Кишотский порыв Гринева: «Ваше превосходительство, прикажите взять мне роту солдат и полсотни казаков и пустите меня очистить Белогорскую кре-

пость».¹¹ Спасительная роль Савельича, упомянутая в «Пропущенной главе»; уже не раз возникала в предыдущих главах. Крестьянский бунт — «бесмысленный и беспощадный». В «Пропущенной главе» он выглядит в большей степени как бессмысленный. Примечательна уже первая встреча молодого барина с караульного на заставе: «Мужик подошел ко мне и снял шляпу, спрашивая пашпорту. «Что это значит? — спросил я его, — зачем здесь рогатка? Кого ты караулишь?» — Да мы, батюшка, бунтуем, — ответил он, почесываясь».¹² Знакома по лубочным картинкам поза! «Отеческое наказание» быстро подействовало и на более строптивого земского. Он мгновенно превратился из Андрея Афанасьевича снова в Андрюшку. За новую грубую выходку Андрюшка поплатился своей головой. Главным злодеем, бунтовщиком, отступником остается Швабрин. Бунт же мужиков был, как успокаивает себя молодой дворянин, их «заблуждение, мгновенное пьянство, а не изъявление их негодования». Последующие эпизоды как бы подтверждают это размышление.

С цензурной точки зрения «Пропущенная глава» вряд ли была опасна. В главе во многом проявляется пушкинская концепция «русского» бунта, сложившаяся у него после 1825 года, выражавшая идеи просвещения, с его защитой прав личности, утверждением человеческого богатства в каждом индивидууме.

Личность и насилие («гений и злодейство») «вещи несоместные». Не случайны по этому поводу повторяющиеся сентенции, касающиеся возможных успехов «просвещения» и «распространения правил человеколюбия». В главе «Пугачевщина»: «Молодой человек! Если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений». В рукописи было еще продолжение: «...и что не должно торопить времени, и без того уже

11. Ср. начало «истинного происшествия» В. И. Панаева, его произведения «Отеческое наказание» (1819), кстати послужившего литературным источником для пушкинской «Метели»: «Дон Кишот Ломанхский был не последним искателем приключений; таких людей довольно много и ныне; разница, зависящая от духа времени, в одной цепи, побуждение все то же. Как отказать себе в удовольствии быть если не главным действующим лицом, то, по крайней мере, участником какого-нибудь необыкновенного происшествия, например: поединка, похищения девицы и т. п.».

12. Цитаты из «Пропущенной главы» даются по выше названному изданию «Капитанской дочки».

довольно деятельного» (VIII, кн. II, 878). «Капитанская дочка» с публицистической мыслью обращена к современности. «Русский бунт» — понятие для Пушкина все-таки типологическое. Оно включает в себя оценку поведения любого сословия. Уроки пугачевщины и не могут быть забыты другими поколениями. В «Пропущенной главе» осталось самое дидактическое наставление автора «Капитанской дочки»: «Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молодцы и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужа головушка полушка, да и своя шейка копейка». Вероятно, эта «претензионная» «декларация» (Ю. Г. Оксман) молодого и в то же время зрелого героя «Капитанской дочки» была наиболее заметна с цензурной точки зрения; эта декларация уже выходила за пределы повествовательной структуры «Капитанской дочки».

Известно, что тема «русского бунта» в творчестве Пушкина невольно социологизировалась, упрощалась даже в работах наиболее авторитетных исследователей.¹³ Эссе Марины Цветаевой о Пушкине, Гриневе, Пугачеве воспринималось нередко как пушкинская апологетика «пугачевщины». Теперь видна более высокая точка зрения Г. П. Федотова. Рассуждая о сложном составе пушкинской идеи государственности и свободы Федотов писал: «...нельзя не видеть сжатого под очень высоким «имперским» давлением пафоса свободы в пушкинском «Пугачеве». Не случайно, конечно, Стенька Разин и Пугачев, наряду с Петром Великим, более влекли к себе историческую лиру Пушкина. В зрелые годы он никогда не стал бы певцом русского бунта, «бессмысленного и беспощадного». Но он и не пожелал бросить Пугачева под ноги Михельсону и даже Суворову. В «Капитанской дочке» два политических центра: Пугачев и Екатерина, и оба они нарисованы с явным сочувствием».¹⁴

«Пропущенная глава» по своей художественной физиономии — особенная в творчестве Пушкина. В ней «истинное происшествие» пропущено не только через романтические вымыслы». Она обрамлена публицистическим вступлением и такой же концовкой. Она полемична, как многие журнальные выступления Пушкина той поры. «Пропущенная глава», — сгусток идей, исторических характеристик, оценок, пове-

13. Оксман Ю. Г. Указ. статья. С. 255-256.

14. Федотов Г. П. Певец империи и свободы // «Современные записки». Париж. XIII. 1937. С. 107.

дом для которых стал мужицкий бунт, отрывка «пугачевщины» в дворянском имении. Глава фрагментарна и может быть по этой причине она оказалась вне текста «Капитанской дочери».

Как и в творческой истории «Евгения Онегина», в данном случае произошло сужение фабульного пространства во имя его цельности, художественного единства, без романтических излишеств. Такие проблемы возникли в творческой истории других крупных произведений русской классики: «Кому на Руси жить хорошо», «Идиот», «Война и мир».

«Пропущенная глава» — предшественница других, в какой-то степени парадоксальных явлений в художественном творчестве классиков. Вспомним невключенную в «Бесы» Достоевского главу «У Тихона», незавершенные (но опубликованные Толстым) главы «Декабристов» и т. п. Возникает особая проблема, текстологическая, историко-литературная, эстетическая: завершенность литературного произведения, включая незавершенное, «пропущенное», как в «Евгении Онегине» и «Капитанской дочке».

Выпущенные главы в том и другом произведении подчеркивают важные художественные принципы поэта, которыми он не мог пожертвовать даже во имя авторитетных вкусов своих литературных друзей (П. Катенина, например). Судьба выпущенных глав — один из творческих секретов Пушкина.

Государственный музей

А. С. Пушкина

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
А. С. ПУШКИНА

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Москва

1993